

Дядя Ху Вэй был единственным сюцаем в уезде. Хотя подаренный им письменный прибор — тушь, бумага, кисти и тушечница — казался самым простым, обошелся этот дар почтенному родственнику в несколько лянов серебра.

Дин Тянь решил воспользоваться случаем и преподнес дяде ответный подарок — такой же письменный набор, только подороже и получше. Тот поначалу наотрез отказывался:

— Ты в городе совсем один, — ворчал дядя Ху, отталкивая сверток. — Тебе самому деньги нужнее, беречь копеечку надо на черный день.

— Знаю, дядюшка, все знаю, — улыбался юноша.

Улучив момент после сытного обеда в трактире, Дин Тянь тайком сунул сверток в дядину телегу.

— Дядюшка, береги себя в дороге! Счастливого пути! — крикнул он на прощание, когда лошадь тронулась.

Весенняя страда уже шла на убыль. На полях отсеялись, и теперь крестьяне спешно ладили огороды — ведь именно домашние грядки кормили семью овощами весь год. Работы у деревенских хватало, и у дядюшки в усадьбе земля тоже просила рук.

Проводив родственника, Дин Тянь вернулся в уездную управу. Во дворе он приметил бухгалтера Сюя: тот, бережно неся в руках какой-то ладный коробок, торопливо шагал в сторону кабинета уездного судьи.

Поразмыслив, Дин Тянь решил не совать нос в чужие дела и вернулся в свою тихую обитель — за тюремные ворота.

Место у него было специфическое, сумрачное. В управе считалось, что от тюрьмы веет скверной и неудачей, поэтому даже обедать с тюремщиками прочие служивые избегали. Без крайней надобности в его казематы никто не заглядывал, боясь навлечь на себя беду.

Зато прошедшие праздники принесли Дин Тяню немало хлопот и расходов на подарки. Впрочем, земляки не остались в долгу: из Деревни семьи Дин деревенский староста привез ему целую гору подношений — корзины ломились от куриных, утиных и гусиных яиц.

В родных краях до сих пор с восторгом вспоминали, как щедро он угощал всех свининой. Деревенские в один голос хвалили его за широкую душу и уважительно качали головами: сразу видно — человек казенный, при должности!

Бухгалтер Сюй явился с поклоном самым последним. В руках он держал нарядную четырехугольную коробку с традиционными сладостями. Подобных подношений уездному

судье Ма Чуну в тот день наташили штук сорок — казалось, праздные просители скупили весь запас в местных кондитерских лавках.

Управляющий судейского дома, Ма Чжун, принимал очередную коробку с откровенно кислой миной. Однако стоило Сюю ловким, почти фокусническим движением выудить из рукава два тяжелых серебряных слитка и с поклоном произнести: «Примите сию скромную лепту в знак глубочайшего почтения», как лицо слуги мгновенно преобразилось.

У самого судьи Ма при виде благородного металла азартно блеснули глаза, а управляющий расплылся в подобострастной улыбке:

— Ну что вы, почтенный, к чему такие траты! Полноте, не стоило так утруждаться!

Два литых серебряных слитка, каждый весом в добрых пятьдесят лянов, тускло и маняще поблескивали чистейшим белым боком. Подарок, что и говорить, царский.

Щедрая взятка возымела немедленное действие. Всего через три дня бухгалтер Сюй пожинал плоды своей дальновидности: судья Ма, пребывая в благодушном настроении, подписал указ о его назначении на должность регистратора. Так бывший счетовод сделался вторым чиновником в уезде, получившим официальный государственный ранг.

Дин Тянь, дабы не выделяться среди прочих служителей управы, тоже преподнес новоиспеченному регистратору Сюю скромный презент. Им стала знатная корзина свежих яиц — благо этого добра на его кухне теперь скопилось столько, что девать было некуда.

Съесть такое количество в одиночку было решительно невозможно, а выбрасывать портившийся продукт не позволяла совесть. Дин Тянь затеял настоящую войну с яичным нашествием. Он скупил в лавке всю соль и засолил две огромные глиняные корчаги, но даже после этого яиц оставалось с избытком. Пришлось спешно раздаривать излишки знакомым.

Регистратор Сюй скупиться не стал и в честь своего возвышения закатил пир для коллег в том самом трактире «Ароматное Изобилие». Именно за этим праздничным столом Дин Тянь наконец-то уяснил для себя, в чем именно заключаются новые обязанности бывшего счетовода.

Оказалось, что должность регистратора — это официальный пост девятого ранга, на который жалуют самых толковых писцов. По сути, он являлся правой рукой уездного судьи, ведал переписью населения, выдачей ордеров на аресты и ведением всей казенной переписки. Ему даже полагался собственный отдельный кабинет и личный помощник писаря для разбора бумаг.

«Вон оно как устроено», — мысленно зафиксировал Дин Тянь, мотая на ус особенности местной бюрократии.

Между тем захмелевший регистратор Сюй понизил голос и поделился с сослуживцами любопытной сплетней. Оказывается, на прошедший праздник Дуанью судья Ма не поехал лично засвидетельствовать почтение префекту. Вместо этого он отправил в управу префектуры своего доверенного советника Сина с весьма внушительным подношением: тяжелым свитком в пятьсот лянов серебра, парой рулонов узорчатого шелка, несколькими отрезами тонкого полотна и тушей откормленного кабана.

Скромность вещественных даров с лихвой компенсировалась звонкой монетой. И все же... совать столь огромную взятку вот так, в лоб, казалось верхом глупости и неосмотрительности.

С другой стороны, захолустный уезд Бычьего Рога никогда не славился изысканными диковинами. Но неужели у самого судьи в личных закромах не нашлось ничего более благопристойного, нежели груда серебра? Эта загадка не на шутку озадачила Дин Тяня.

После застолья все разошлись по домам. Будни Дин Тяня вернулись в мирное русло. Летнее солнце припекало все нещаднее, высушивая пыльные улочки. На базаре появились деревенские торговцы с охапками свежей зелени — всего за пару медных монет можно было купить приличный пучок сочных диких трав. Парень охотно брал эти нехитрые дары природы: и для здоровья полезно, и поднадоевшие яйца, обжаренные с молодой зеленью, раскрывали свой вкус совершенно по-новому.

В таких мелких кулинарных радостях незаметно пролетел целый месяц. Наступил долгожданный день выдачи жалованья. К регистратору Сюю, который теперь лично ведал казенными выплатами, служивые выстраивались с особым почтением — шутка ли, этот человек теперь фактически держал их за горло.

Однако стоило раздать мешочки с монетами, как по управе поползли тревожные слухи: уездный судья Ма после визита к казначею ходил чернее тучи. В коридорах шепотом судачили, гадая, какая муха укусила господина.

Разгадка пришла теплым вечером, когда Дин Тянь возвращался с рынка с корзиной свежих побегов. У самых ворот управы он столкнулся с регистратором Сюем, бережно прижимавшим к груди завернутую в промасленную бумагу ароматную жареную курицу. Приятели обменялись кивками и неторопливо побрели внутрь бок о бок.

Оглядевшись по сторонам, Сюй заговорицки придвинулся к Дин Тяню и едва слышно прошептал:

— Кажется, наш господин Ма вознамерился наложить лапу на казенное жалованье.

Дин Тянь так и замер на полушаге.

— Что? — округлил он глаза. — Как это? И что же он задумал?

Дело в том, что по бумагам уездный штат числился укомплектованным до последнего человека, и казна выделяла средства в полном объеме. На деле же половины работников просто не существовало, а разницу благополучно делили между собой выжившие сотрудники управы.

<http://bllate.org/book/19387/1997453>